

А.М. Марченко

«Я помню время золотое...»

Написано не ранее 1834. Впервые опубликовано в журнале «Современник», 1836. Обращено к светской красавице баронессе Амалии фон Крюденер. Конечно, в то золотое время, когда восемнадцатилетний Федор Тютчев и четырнадцатилетняя Амалия встретились в Мюнхене, она не была светской львицей. Незаконная дочь немецкого аристократа графа Максимилиана Лерхенфельда, хотя и приходилась кузиной русской императрице, жила в скромной бедности и носила фамилию Штернфельд из Дармштадта. Правда, по смерти отца единокровный брат Амалии выхлопотал ей высочайшее разрешение именоваться графиней Лерхенфельд. Тютчев влюбился с первого взгляда, да, кажется, и Амалия была тронута. Иначе не стала бы вдвоем с совсем не импозантным русским юношей отрываться от путешествующей компании, чтобы, взобравшись к руинам старинного замка, взглянуть оттуда на воспетый Генрихом Гейне Дунай. (Дунай находится довольно далеко от Мюнхена, конечно, по баварским, а не российским масштабам.) Молодые люди даже обменялись шейными крестильными цепочками...

Природа одарила Амалию Лерхенфельд не только не стареющей, словно бы заколдованной красотой, но и даром долгой и благодарной памяти. Она без приглашения пришла к умирающему Тютчеву. Потрясенный поэт описал этот визит в письме к дочери:

«Вчера я испытал минуту жгучего волнения вследствие моего свидания с графиней Адлерберг, моей доброй Амалией Крюденер, которая пожелала в последний раз повидать меня на этом свете и приезжала проститься со мной. В ее лице прошлое лучших моих лет явилось дать мне прощальный поцелуй».

Поскольку стихи к Амалии были опубликованы в «Современнике» еще при жизни Пушкина, Некрасов, перепечатавая их, предположил: «От такого стихотворения не отказался бы и Пушкин». На самом деле стихотворение совершенно не пушкинское. Тютчев был очарован поэзией Гейне и упорно пытался разгадать секрет этого очарования. Переводил, перекладывал... Однако по-настоящему вольно дух Гейне дышит не в тютчевских переводах и подражаниях, а в стихотворении «Я помню время золотое...», хотя в данном случае русский поэт меньше всего думал о Гейне, хотел лишь как можно ярче осветить прожектором памяти меркнувшую картину «лучших лет» своей жизни. Однако типичный для раннего Гейне ландшафт с руиной старого замка, в который вписана фигурка «младой девы», сместил личное воспоминание в сторону народной немецкой песни, слегка упростив его. Еще Ю. Тынянов отметил, что синтаксический оборот «мы были двое» чисто немецкий, по-русски так не пишут и даже не говорят. Но это, конечно же, не грамматическая ошибка, а то самое «чуть-чуть», которое в искусстве все и решает.

Стихотворение «Я помню время золотое...» написано самым «разговорным» из ямбов — четырехстопным. Тем не менее в данном тексте даже нетренированный слух отмечает его напевность, или, как говаривал Жуковский, «певкость». Чем, с помощью каких художественных средств автор добивается *певкости*?

Во-первых, тем, что здесь, как и в песне, повторяются с небольшими вариациями важные в смысловом и ритмическом отношении группы слов: я помню время — я помню край; день вечерел — день догорал; руина вдаль глядит — ты вдаль глядела.

Во-вторых, тем, что текст гармонически озвучен звуками самой природы: «Звучнее пела река в померкших берегах».

В-третьих, тем, что большинство ударений в строфе падает на одни и те же гласные, например, в первом катрене звукообразующим элементом является чередование ударных «о» и «е».